

**«Вадим, по большому счету,
не менял сферу своей деятельности»**
(О политологическом периоде творчества В.Л. Цымбурского)

П.Б. Паршин. Мы встретились сегодня с Виктором Михайловичем Сергеевым, чтобы поговорить об одном из этапов жизненного пути Вадима Цымбурского, о том, как произошло наше знакомство с ним, и об эволюции его весьма разнообразных научных интересов.

В.М. Сергеев. Я познакомился с Вадимом в 1981 году на конференции в академическом Институте славяноведения и балканистики. Конференция была весьма интересной, посвящена довольно экзотическим в контексте нынешнего нашего разговора вещам, а именно, анализу и дешифровке древних текстов. Я в тот момент очень интересовался этой проблемой, так как считал, что задача дешифровки древних текстов весьма близка к задаче компьютерного понимания текста. Потому и принял участие в конференции. Там я и познакомился с Вадимом, который произвел на меня очень большое впечатление прежде всего огромной эрудицией и нетривиальным пониманием проблем.

Впоследствии я сошелся с ним гораздо ближе. Мы стали делать совместные работы по дешифровке древних текстов. Где-то к 1985 году, когда Вадим окончил аспирантуру, у него сложилась очень сложная жизненная ситуация. Будучи не москвичом, а жителем Могилева, он не мог по тогдашним правилам устроиться на работу в Москве. И найти работу по специальности в Могилеве, конечно, тоже было невозможно. Я порекомендовал ему обменять квартиру в Могилеве на какую-нибудь подмосковную квартиру. Он так и поступил. После этого я приложил довольно большие усилия, чтобы, имея свободные ставки в Институте США и Канады в лаборатории, занимавшейся моделированием решения политических проблем, устроить его в эту лабораторию. Мне удалось уговорить Андрея Афанасьевича Кокошина, сказав, что Вадим – совершенно уникальный человек, который может заниматься чем угодно. В конце концов, он занялся в моей лаборатории анализом политического текста, выполнив при этом целый ряд очень интересных работ, которые были переведены на английский, переложены в Соединенных Штатах. Он был уже в это время блестящим филологом-классиком, но эти работы помогли формированию его как политолога.

В тот момент Вадим заинтересовался проблемами геополитики. Он начал ею заниматься прежде всего по причине того, что геополитическая проблематика, как ему казалось, ближе по духу к истории. И он создал в дальнейшем ряд блестящих геополитических работ, в частности, широко известный труд «Остров Россия», став известным специалистом в этой области.

Сергеев Виктор Михайлович, кандидат физико-математических и доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО. E-mail: laris-pulena@rambler.ru

Паршин Павел Борисович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник того же Центра. E-mail: pparshin@mail.ru

В дальнейшем наши отношения сложились таким образом, что Вадим ушел из моей лаборатории. Это случилось, если я не ошибаюсь, в 1989 году. Он вернулся на работу в Институт востоковедения, где у него руководителем кандидатской диссертации был Леонид Гиндин. Однако наступили тяжелые времена, в 1991 году денег у Института востоковедения практически не было, и Вадим пытался в этот момент заново найти свое место в науке. Нашел он его в Институте философии, где ему довольно быстро предложили писать докторскую диссертацию. Насколько я знаю, он ее так до конца жизни и не закончил, что очень печально, но именно после перехода в Институт философии он написал серию, на мой взгляд, самых лучших своих геополитических работ.

П.Б. Паршин. Я могу не так уж много добавить к тому, что сказал Виктор Михайлович, хотя познакомился с Вадимом несколько раньше. Это было на праздновании дня рождения одного из наших общих знакомых, Бориса Скуратова, известного ныне в качестве переводчика различного рода интеллектуальной литературы. Там я Вадима впервые увидел. Хотя слышать о нем мне доводилось и раньше.

Не помню точно, какой это был год, и был ли Вадим еще студентом, или все-таки это происходило уже в более позднее время, но человеком на филфаке он был весьма известным. Конечно, определенную роль играла и внешность Вадима, весьма заметная и запоминающаяся. Но рассказы о его выдающихся научных способностях по факультету, безусловно, ходили. Некоторые называли его вторым Аверинцевым. И, в общем-то, при всем различии их последующих судеб, определенный резон в этом был. Потому что, хотя Вадим по факту стал заниматься другими вещами, и даже в рамках классической филологии он и Аверинцев занимались разными вещами, но тем не менее замечательная эрудиция, нетривиальность суждений, способность к выдвижению ярких и глубоко оригинальных идей, безусловно, роднили этих ученых, принадлежавших разным поколениям, но тем не менее имевших общий бэкграунд.

Примерно с таким представлением о Цымбурском я впервые с ним и столкнулся в компании. Основное, чисто человеческое впечатление заключалось в том, что за достаточно эпатажными внешностью и манерами скрывался абсолютно рационально мыслящий человек. Многие из тех, кто не был с ним знаком, воспринимали его не слишком серьезно, но достаточно было пообщаться с Вадимом несколько минут для того, чтобы понять, что ты имеешь дело с очень яркой личностью. В какой мере эпатаж был произвольной чертой поведения, а в какой наигранным – вопрос, который, по-видимому, навсегда останется без ответа.

В дальнейшем мы с ним почти не пересекались и довольно неожиданным образом встретились уже в Институте США и Канады, когда создавалась лаборатория, возглавляемая Виктором Михайловичем, и где на первой встрече будущих ее сотрудников неожиданно оказался и Вадим. В дальнейшем мы с ним на протяжении нескольких лет работали и общались. Соавтором его я не был ни по одной из работ, хотя, безусловно, находился в курсе его тогдашних исследований, в частности, связанных с изучением процессов принятия политических решений, а также был знаком с теми его работами, которые так или иначе имели определенное отношение к тогда весьма интенсивно развивавшимся исследованиям по моделированию человеческих знаний.

Каким образом происходила трансформация, приведшая филолога-классика к геополитике, мне проследить, по-видимому, не удалось. Есть, конечно, некоторые довольно интересные сюжеты. Например, наша с ним совместная поездка на сельхозработы в период пребывания в ИСКАНе, где мы довольно много общались на самые разные темы. Надо сказать, что тогда я впервые обнаружил у него совершенно очевидный интерес к проблематике со-

временной политики, причем, явно выходявший за рамки обычного досужего интереса. Вадим демонстрировал хорошее понимание проблемы и, более того, совершенно искренний интерес к ней, а также склонность выходить на интересные обобщения. Точнее, не столько на обобщения, сколько на гипотезы и умозаключения о долговременных тенденциях развития политических систем, которые, собственно, и составляют важную часть геополитической мысли.

В любом случае, момент, когда Вадим начал реализовываться как геополитик, мною уже почти не наблюдался. По-видимому, это происходило уже во время его работы в стенах Института философии. Мы продолжали общаться, изредка встречаясь на различного рода научных мероприятиях, в библиотеках, на улице. А со временем просто стали довольно регулярно перезваниваться. Я звонил Вадиму, Вадим звонил мне, задавая свой традиционный вопрос о том, что нового, яркого и так далее. В основном, конечно, наше общение было бытовым, но тем не менее уже в это время стали появляться его публикации и в журнале «Полис» и не только в нем.

Вадим всегда демонстрировал замечательное умение объединять различные научные подходы. Например, в его цикле из двух статей, посвященных поэтике политики, как сразу стало ясно, формировался очень и очень интересный взгляд на вещи. В дальнейшем, насколько я понимаю, этот подход эволюционировал в направлении, все-таки более близком традиционной геополитической проблематике, хотя, конечно, результат знакомства Вадима с не слишком обычными для представителей геополитики идеями и методами был совершенно очевиден.

В какой-то момент Вадим превратился в классика соответствующего научного направления и стал восприниматься таковым определенно рода референтной группой, к которой я, однако, не имел почти никакого отношения (можно даже сказать, вообще никакого) и в некотором смысле наблюдал за его эволюцией со стороны. Хотя, конечно, читать его работы было чрезвычайно интересно, и невозможно было не подивиться тому, сколь огромный круг самых различных концепций, взглядов, теорий он пропускал через себя.

По-видимому, это давалось ему не очень легко, потому что он неоднократно жаловался на то, как его не оставляет вся эта проблематика, и на то, что его бедная голова в конце концов со всем этим не справится. Возможно, это было кокетством, но возможно, и нет. Когда Вадим ушел от нас, очень многие удивлялись, узнав, что было причиной его смерти. Весьма распространенной была именно такая реакция: мы думали, что у него что-нибудь будет с головой, а оказалось все-таки нет, не с головой. Хотя, конечно, его ранний уход был – для тех, кто не общался с ним близко, – неожиданным. Впрочем, в последние годы жизни он действительно выглядел скверно.

Вот это, пожалуй, основные и довольно поверхностные наблюдения, которыми я мог бы поделиться. Утверждать, что я в состоянии реконструировать тонкости его интеллектуального развития, я бы, конечно, не решился. Хотя допускаю, что контраст между совершенно незаурядными интеллектуальными способностями и, скажем так, жизненной неустроенностью Вадима был очень и очень значительным. И, возможно, в какой-то степени именно этот контраст и сказался на том, как развивались его не только научные, но, в общем-то, и политические взгляды.

Хотя нужно сказать, что он никогда, во всяком случае в разговорах со мной, не настаивал на этих взглядах. Он с очевидностью обладал тем, что Роберт Абельсон когда-то назвал экспертной моделью мира. Иными словами, способностью осознавать специфику любой модели мира, понимать, в чем заключается каждая из них, и, если угодно, даже менять эти модели мира, если это необходимо для понимания действительности в общении с собеседником

и так далее. Это не подстройка, конечно, и ни в коей мере не беспринципность, а просто способность если не вставать на альтернативную точку зрения, то, во всяком случае, понимать ее.

Дальше углубляться в это я не хотел бы, потому что, в конце концов, еще Пушкиным было сказано насчет того, что «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» и т. д. Вадим никоим образом не был погружен «в заботы суетного света», нет. Но тем не менее пусть не суетный, но социальный свет не оставлял Вадима, скажем так, своим «попечением». И это, конечно, сильно осложняло его жизнь.

Возможно, кстати, в какой-то степени это способствовало тому, что одним из направлений его интеллектуальной реализации была такая все-таки очень специфическая область знаний, как геополитика. Скорее всего, он вполне сознательно рассматривал ее как ту область, в которой можно заниматься чистой интеллектуальной деятельностью. Во всяком случае, насколько я знаю, из геополитической проблематики, причем с довольно отчетливым консервативным уклоном, никаких особенных для себя выгод Вадим не извлек и, по-моему, не собирался извлекать.

Последний раз я видел Вадима в больнице, за несколько недель до его смерти. Он не расставался с кислородным баллончиком, но тем не менее чувствовал себя неплохо. По-видимому, это была ремиссия. И нужно сказать, что он как раз раздумывал на тему о том, как бы продолжить или, во всяком случае, довести до читателей свои исследования, все-таки скорее имеющие отношение к истории и к античному миру. Это штамп, но он действительно был полон творческих планов. Если эту ноту можно считать оптимистической, то я на ней был бы склонен закончить свой монолог.

В.М. Сергеев. Несмотря на то, что с начала 1990-х годов Вадим достаточно глубоко погрузился в геополитику, и представлялось, что именно геополитика является его основным интересом, он сделал несколько работ скорее по когнитивной науке, чем по политологии, и эти работы были весьма инновационными. И вообще его интерес к когнитивной науке остался, на мой взгляд, очень сильно нераскрытым. Между тем этот интерес приводил к весьма впечатляющим результатам, прежде всего в области лингвистики текста. Он достаточно серьезно интересовался этой областью, и весьма неожиданным поворотом этой темы было его обращение к жанровым формам политологической мысли и политологической литературы. Это направление едва намечено было в 1984 году Хейвордом Олкером в паре статей, которые Хейворд опубликовал. Вадим очень серьезно отнесся к этим результатам и развил те мысли, которые Олкер высказывал в этих работах. Развитие получилось неожиданное. И, на мой взгляд, это направление, если бы он им занялся всерьез – к сожалению, у него на всё, видимо, просто физически не хватало времени, – могло бы принести много интересных открытий. Вадим сформулировал целый ряд общих положений, которые приводили к совершенно новому пониманию жанра. И позволяли классифицировать политические тексты с этой точки зрения.

Это достаточно глубоко было им отражено в целом ряде публикаций, в частности, в работе о понимании победы в советской военной политической мысли. Это большая работа, объемом где-то около трех авторских листов, которая должна была быть первоначально опубликована в Соединенных Штатах, но потом, видимо, по политическим причинам все-таки не была взята. И, на мой взгляд, те мысли, которые содержатся в этой работе, – это очень интересный вариант интерпретации советских политических текстов вообще. С такой точки зрения на них никто никогда не смотрел. Мне эта работа представляется очень серьезным вкладом Вадима в политическую мысль. Эти работы все-таки опу-

бликованы (правда, опубликованы в каких-то крайне малодоступных изданиях), и, думаю, после их переиздания они в будущем окажут свое влияние.

П.Б. Паршин. Да, безусловно, Вадим продемонстрировал замечательное умение обнаруживать и убедительно показывать взаимную релевантность на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга традиций – политической мысли, классической филологии и современной когнитивной науки. Он занимался политическими текстами, но вполне возможно, что если бы он занялся другими видами текстов, ему тоже удалось бы обнаружить много интересных фактов. Вадим продемонстрировал, что применение идей, почерпнутых из филологических наук, очень хорошо позволяет, в частности, структурировать самые разнообразные модели политического действия. В этом смысле он, конечно, был филологом в очень глубоком и сильном смысле.

Надо, конечно, еще сказать, что родство его различных ипостасей осознавалось далеко не всеми. На церемонии прощания с Вадимом представителей филологической и лингвистической общественности было очень и очень мало. Хоронили его, судя по всему, те, кто был знаком с его поздними геополитическими работами. Такое бывает, когда человек занимается очень и очень разными вещами и в какой-то момент начинает казаться сменившим свою сферу интересов. Вадим ее по большому счету не менял. В связи с этим уместно заметить, что жесткое разделение работ Вадима на филологические и геополитические при их публикации, быть может, не вполне оптимально. Такой подход не способствует осознанию, во-первых, разнообразия и глубины его вклада, а во-вторых, вполне все-таки органичного сочетания полученных им результатов.

Поэтому, на мой взгляд, попытка выбрать из творческого наследия Вадима как раз те работы, которые демонстрировали бы то обстоятельство, что в некотором смысле он все-таки всегда занимался если не одними и теми же (это было бы, наверное, преувеличением, особенно с учетом его работ по гомероведению), то близкими проблемами, так вот, такая попытка была бы чрезвычайно полезной и способствовала бы более адекватному осознанию характера его наследия.

В.М. Сергеев. Вадим был сложным, очень сложным человеком. И понимание его деятельности должно учитывать и этот факт. Многие вещи, которые покажутся, может быть, излишне эксцентричными, наверное, гораздо естественнее смотрелись бы в контексте такого более широкого понимания.

Хотел бы отметить еще несколько направлений, которые Вадим в своей работе успел только обозначить. Тем не менее мне представляется, что эти направления являются чрезвычайно важными. Одно из них – изучение конфликтных систем.

В наших разговорах с Вадимом мы очень часто обсуждали судьбу того, что он впоследствии назвал лимитрофными зонами. Вокруг лимитрофных зон, как показывает анализ, в частности, ситуации на границе раздела между православием и католицизмом, образовалась чрезвычайно устойчивая конфликтная структура. Мы назвали эту конфликтную структуру черноморско-балтийской, поскольку она соединяла Черное и Балтийское моря. По обеим сторонам от кратчайшей линии соединения этих морей находились на протяжении всего времени, начиная где-то с XV века, большие государства: с одной стороны Россия, с другой – Речь Посполитая, потом Германия и Австро-Венгрия. Эта зона на протяжении многих столетий была зоной устойчивого конфликта, причем структура конфликта воспроизводилась, несмотря на замену его субъектов.

В тот момент, когда мы обсуждали эти вопросы, данная проблема казалась неактуальной, потому что существовал Советский Союз. Но неожиданно, после распада Советского Союза эта конфликтная структура вновь ожила. Это

говорит о том, что конфликтные структуры такого рода являются чем-то большим, чем отношения между конфликтующими странами. Это некая структура, живущая собственной жизнью независимо от того, кто ее наполняет.

Такого же рода структуры были обнаружены и в Средиземноморском бассейне, и мне представляется, что разработка этой идеи, идеи о том, что конфликтная структура живет, так сказать, сама по себе, – это достаточно новое направление в изучении международных отношений. Так, собственно говоря, никто к международным отношениям никогда не подходил.

Насколько мне известно, спустя некоторое время Цымбурский опубликовал несколько статей, где эти идеи излагались, но туда не вошла значительная часть наших с ним рассуждений по этому поводу. Обсуждения проходили в основном в 1988–1989 годах. Насколько я знаю, эти идеи впоследствии использовались Михаилом Васильевичем Ильиным в ряде его работ, и почерпнуты они были, насколько я понимаю, Ильиным из разговоров с Цымбурским.

Это одно направление. Другое направление, которое мне представляется тоже очень важным, это направление, связанное с исследованием структуры принятия решений. Мы с Вадимом много обсуждали этот вопрос – как можно представить себе абстрактную когнитивную структуру принятия решения. Опубликовали вместе две работы на эту тему: одну в тартуских «Трудах по искусственному интеллекту», другую – в сборнике «Компьютеры и познание». Впоследствии Вадим еще долго работал над этой темой и, как мне представляется, довольно существенно довернул ее.

Абстрактная структура принятия решения позволяет достаточно легко проводить сравнительные исследования, потому что можно выяснить, чем различаются между собой структуры принятия решения различных политических деятелей и чем различаются между собой социальные группы, формирующиеся вокруг политического деятеля и принимающие участие в принятии им политического решения.

Смысл этой затеи заключался в том, чтобы разграничить достаточно основательно различные компоненты структуры принятия решения по их когнитивной роли, то есть прежде всего различить онтологические предпосылки, структуру ценностей и непосредственно процедуру, направленную на достижение цели. Дело в том, что в большинстве современных работ грубейшим нарушением анализа структуры принятия решения является путаница между онтологическими посылами и структурой ценностей. Иногда собственно представление об онтологических посылах вообще явно не формулируется, а различие в культурных стереотипах относят за счет различия в структуре ценностей. Такое впечатление, что онтология вообще исчезает из когнитивной модели принятия решения.

Это довольно серьезная ошибка, и, на мой взгляд, работы, которые Вадим проводил в этом направлении, частично вместе со мной, направлены на очень серьезный пересмотр, в частности, структуры политической деятельности, так как без анализа онтологических посылок, по существу, очень часто невозможно адекватно оценить характер политики.

П.Б. Паршин. Хотел бы еще сказать буквально несколько слов о том, насколько нетривиальным образом Вадим, скажем так, воспринимал самые различные области культуры и находил возможности, анализируя эти культурные области, делать интересные и далеко идущие выводы.

В частности, это касалось его совершенно очевидного интереса к массовой культуре, причем, может быть, даже не просто массовой культуре, а к жанру фэнтези как одному из ее проявлений, к которому в нашей стране никогда не было принято относиться особенно всерьез, хотя в последнее время мы видим, что рефлексии по поводу масскульта становятся распространенным и респектабельным жанром.

В частности, Вадим исключительно интересовался графом Дракулой, а также писателем Брэмом Стокером, который ввел эту фигуру не только в число исторических знаменитостей, но и в литературный пантеон. Чрезвычайно интересно, что именно с предисловием Вадима вышло первое за много лет русское издание – если не ошибаюсь, в конце 1980-х годов – книги Стокера.

Исключительный интерес вызывало у него и творчество Стивена Кинга. Прочитав его первые романы, опубликованные на русском языке (это были, если не ошибаюсь, «Мертвая зона», потом «Воспламеняющая взглядом» – из лучших романов Кинга), Вадим очень заинтересовался творчеством американского писателя и постарался со свойственной ему основательностью и дотошностью прочесть все сочинения Кинга, до которых сумел дотянуться. Такой же интерес он у меня на глазах (книжку ему показал я) проявил и к роману Колина Уилсона «The Mind's Parasites» (впоследствии роман появился в русском переводе, но первоначально это было издание на английском языке, опубликованное еще в Советском Союзе).

Такой интерес довольно интересным образом коррелирует с его взглядами на поэтику политики, о которых мы уже говорили, и это небольшой штрих, который мне хотелось бы добавить к нашему разговору.

